

ШВАРЦ

Рассказ Н. ШПАНОВ, иллюстрации Н. СОКОЛОВА.

Аналичанин, не вынимая папиросы изо рта, небрежно приложил два пальца левой руки к козырьку...

1.

В ГРЯЗНОМ номеришке гостиницы «Пале-Рояль» с обоями, давно утратившими первоначальную игривость букетиков и веночков под подозрительной засаленностью, было удручающе душно.

На скрипучей деревянной кровати, с облезшей от постоянного поливания клопомором лакировкой спинки, лежал поручик Шварц. От жары не хотелось двигаться и было тяжело сгонять бесчисленных мух, назойливо шекотавших бритую голову поручика. И мысли в этой бритой голове от жары тянулись скучные и медленные: «невезение чортово. Проиграл все содержание на месяц вперед. В собрании кредит закроют. Надо выпутываться; попробую сегодня отыграться, там закаюсь. И это пойло проклятое бросить бы надо... Да чорта лысого его бросишь—бросить пить, тогда повеситься можно».

Крепкий стук в дверь прервал его мысли, и на выкрик «войдите» в комнату ввалился грузный офицер, с красным одуловатым лицом, в кителе на распашку—капитан Горлов, сосед по комнате, сослуживец по отряду военного летчика поручика Шварца, с которым и летал в качестве наблюдателя.

— Жоржинька, выручи миленький, моя армяночка пришла, денег просит, я ей уж месяц как должен четвертной. В сущности это не беда, конечно, что четвертной, да нехорошо как-то пахнет, что именно у нее взял.

— Дурак ты, Николаш, всегда говорил и еще раз скажу. Ну взял и взял. Пусть скажет спасибо твоя Раечка, что русский офицер снизошел к ней настолько, что не только позволяет себя любить, но еще и позволил оказать себе материальную поддержку в трудную минуту. А в общем я не знаю, какого лешего ты с ней панькаешься—дай ей хорошего лека и пошли получать свой четвертной к барону Петру или к самой чортовой матери.

— Ну, Жоржик, ты не прав. Ведь второй не сыщешь в этой проклятой дыре, а чорт его знает сколько нам здесь еще торчать-то придется. Так как же насчет четвертного?

— Нет брат; я вчера так профершипилился, что у меня не то что четвертного, а и четвертака наверно во всех карманах не сыщешь. Плюнь-ка ты на четвертной, да пошли ее за вином, немного лик освежим.

— Нет, нет, милый, мне некогда,—ответил Горлов и зашаркал стоптанными туфлями по коридору.

Шварц повернулся на бок в постели и снова ленивые мысли тягуче поползли в бритой голове: паршивая жизнь. Когда конец будет всей этой сваре, единому чорту известно. Что ни приказ, то «последний решительный натиск», а эта красная сволота все насаждает и насаждает и конца ей не видно. Леший их знает чего они прут—жрать нечего, голые ходят, а лезут—отбоя нет. Эх, не успел я во-время за границу дернуть, теперь не вырвешься, изволь клопов кормить и шею себе ломать. А в сущности ради чего? Ну, барон знает, что делает,—Слащев, Кутенов, Дроздовский, а при чем мы-то здесь? Вон дураку Николашке только баба нужна, так он ее небось везде найдет, а на кой лях ему капитанские погоны он, наверно, и сам не знает, разве только для того, чтобы жидам морду бить можно было, а это удовольствие, ей богу, не стоит собственной шеи. Хотя, с другой стороны, ежели поразмыслить, так может быть что-нибудь и выйдет? А хорошо, если выйдет: папахен не сегодня завтра помре и все десятички целиком мои будут. Главное, ведь, совершенно чистенькими получишь их теперь обратно—никаких закладных, спасибо большевикам. Я Николашу тогда управляющим возьму, пусть тычет в морду мужикам, а сам за границу на поправление поеду. Эх, благодать, пожить бы опять человеческой жизнью. Пожалуй, в общем барон не такой дурак, только бы поскорей кончал все это дело, а там знатно отдохнуть можно...

Дверь номера тихонько скрипнула и в нее на ципочках вошел молодой солдат, в нерешительности остановившись перед спящим поручиком.

— Господин поручик! А, господин поручик! Шварц мотнул головой и открыл глаза:

— Ну, какого еще чорта надо?

— Из штаба сейчас звонили, всех господ офицеров на аэродром требуют. Капитан Горлов сказал, что сейчас за вами зайдут и прикажут обязательно будить. Одеваться прикажете подавать?

— А, чтоб им с их затеями, давай одеваться?

И Шварц стал быстро натягивать на себя английский френч, к которому так не шли блестящие серебряные погоны с двуглавым черным орлом.

В номер вошел Горлов в кителе, застегнутом на все пуговицы, и в высоких шнурованных ботинках вместо шлепанцев.

— Жоржинька, что-то затеяли. Всех летчиков и наблюдателей срочно вызывают. Надосело, миленький.

— Это все из-за твоей армянки. Каждый раз, как она к тебе явится, так обязательно что-нибудь стряется. Ну, едем.

Три автомобиля один за другим от'ехали от под'езда «Пале-Рояль» набитые офицерами, и заныряли по разбитой ухабистой мостовой городка. На каждом домике побольше виднелись вывески с названием разных штабов и управлений расквартированного корпуса добровольческой армии генерала Врангеля.

Против одного из ангаров виднелась небольшая группа людей и в центре ее плотный ко-

настый командир отряда в полковничьих погонах, а рядом с ним худой и высокий как жердь английский офицер. При приближении прибывших коренастый полковник сделал им навстречу несколько шагов и по его озабоченному лицу все поняли, что дело серьезное. Англичанин, не вынимая папиросы изо рта, небрежно приложил два пальца левой руки к козырьку, так как правой он опирался на толстую трость с большим крючком и ему не хотелось менять руку.

— Здравствуйте, господа,—забасил полковник,—получено серьезное задание из штаба армии произвести бомбометание по станции Тихорецкой, где происходит скопление значительного числа составов противника. Прибывший из штаба майор Блэк имеет предписание главного командования лично наблюдать за проведением операции нашим отрядом и считает необходимым вылететь сегодня всеми наличными машинами за три часа до наступления темноты с тем, чтобы не дать возможности самолетам противника преследовать наши машины при полете обратно.

— Не было печали, начал кто-то из прибывших, но его перебил Шварц.

— А ты, Тимофей Яковлевич, спроси у этой лошадиной морды, почему они посылают в чужой район наш отряд, хотя должны прекрасно знать о том, что у нас за гробы вместо машин. Чтобы вот этому самому Блэку взять свеженький английский отряд,—и район их, и дело вернее будет,—машины-то куда надежнее наших...

— Ну, ну, господа, перестаньте, что за разговоры, ведь, здесь же нижние чины кругом,—тихо произнес полковник.—Распорядитесь каждый заправкой своего самолета. Я уже доложил майору, что из восьми наших машин вылететь смогут только пять.

Обернувшись к группе, стоящей около невозмутимого майора, полковник задал ему через переводчика вопрос:

— А какие бомбы будем брать? Предупреждаю, машины все в таком состоянии, что на многое рассчитывать не приходится. Я бы советовал ограничиться десятифунтовками.

— Олл-райт!—буркнул майор.

Шварц не торопясь шел по своему ангару, из которого мотористы уже выкатывали самолет. «Экая сволочь, сами только виски тянуть мастера, а чуть что, пожалуйста наши; а куда в серьезное дело с такой рванью сунешься»—думал Шварц, хмуро оглядывая свой аппарат.

Сегодня с самого того момента, как Шварц узнал о предстоящем полете, ему стало не по себе; всегда ровный и спокойный—он был нервен. Ему начинало казаться, что лететь сегодня значит наверняка угробиться. Каждая стойка и растяжка самолета казалась ему подозрительной, таящей в себе возможность гибели.

«В сущности нужно бы самому привыкнуть просматривать самолет перед вылетом, а то рожа моего Филоненки мне совершенно не нравится. Вообще, все они сволочь—предадут и будут думать, что сделали святое дело в пользу революции»,—размышлял он, глядя как поднимая капот моторист Филоненко копался во внутренних частях мотора.

— Николаш!—крикнул он лениво бредущему по лугу Горлову,—просмотри бога ради пулеметы, ведь, тебе же с ними возиться.

Горлов также лениво полез в самолет на заднее место и стал копаться около насаженных на турель спаренных Льюисов.

Сознавая отлично, что мотористы ненадежны, что каждую минуту можно ждать от них какой-нибудь пакости. Шварц все-таки не мог себя заставить заняться самолетом: «Один чорт! — решил он, — если Филоненко захочет, то как за ним ни смотри, а он свое делает. Ну, да, авось, бог не выдаст, свинья не съест».

На минуту его внимание привлек крик командира, нешадно разносившего кого-то из нижних чинов, в то время как майор Блэк пренебрежительно тыкал тростью в крыло одного из самолетов и что-то нудил по-английски.

— Зряглотку портит Тимофей, — сказал Шварц Горлову, — драсть их сукиных детей надо, а не разговоры с ними растабаривать, вот тебе бы, Николаш, отрядом командовать, небось, ни одного целого зуба бы не было, а?

— Поздно теперь. Барон сам разложил армию своими кислыми разговорами о человеческом достоинстве солдата.

— Что-ж, Николаш, давай в город съездим, у нас еще часа два времени есть, надо заправиться, а то чорт его знает, когда еще домой-то попадешь.

II

ЖАРА СПАЛА. Солнце давно уже перебралось через зенит и собиралось скрыться за вершинами густых акаций, укрывавших огромную станцию Тихорецкую. На зеленом лужу перед раскинутыми полами большой палатки лежали двое и, отрезая финским ножом ломти баранины от большого куска, старательно пережевывали их, запивая время от времени молоком из закоптелого походного котелка.

Один из них, красноенлет Александр Шварц, лежал нахмурившись, а другой — моторист, в промасленной синей рубашке, по возрасту много старше Шварца, смотрел на него с добродушной улыбкой.

— Да, брат, что-то здесь не так. Ты скажи-ка толком, как у тебя все это вышло, — прервал моторист недовольную воркотню своего сотрапезника.

— Как вышло?! — Вот так и вышло, вызывает к себе и говорит: «у вас, мол, в анкете значится, что по царской армии вы за боевое отличие в чин прапорщика произведены, а потому я не могу поддержать вас, как офицер, вы не принадлежите к классу рабочих и крестьян». Ну, что мне было ему толковать; а когда я ему сказал, что по-настоящему я как был вольноопером, так им и остался, он только и соображил «ах! значит вы вдобавок добровольцем вступили в старую армию». Сколько я ему ни толковал, он ничего в толк взять не может. Как вышло?! Как бы ни вышло, а партия — ау.

— Ну, ты брось горячиться. Вступление в партию не такое дело, чтобы его комиссар сам решить мог. Я же тебе говорил уже, что у нас ты на хорошем счету и ячейка все как один за тебя, здесь дело не в комиссаре, конечно, он занят, а в конце-концов решится так, как должно быть. А ежели ты честный парень, так из-за этого нельзя носа вешать, в партии, не в партии — все равно работы по-уши.

— Так-то оно так, да все-таки какое-то сознание нехорошее: отказали. Я вот в прошлом месяце... приложил он вдруг палец к губам... послушай, будто летит где-то?..

— Да, летит, постой-ка, я бинокль возьму, — сказал старший. Божая палатка, снял с кола полевой бинокль. Долго волял он по горизонту раздвоенной трубкой Цейсса, пока не

установился в одном направлении — на юг. Прямо в окуляры шли оттуда по розовому закатному небу четыре точки самолетов.

— Слышь, Саша, машины. Нашим некому быть с той стороны. Надо доложить командиру, — крикнул моторист, не отрываясь от бинокля, но Шварца уже не было: он с ожесточением накручивая ручку полевого телефона в палатке и, нутуясь, кричал в глухое кожаное ухо трубки.

Прошло три минуты и мотористу в окуляры стали ясно видны силуэты шедших самолетов. «Это не наши», — крикнул он опуская бинокль, и бросился в палатку, где Шварц застегивал под подбородком ремешок шлема. С десяток людей поспешно бежали по аэродрому к соседним палаткам, когда «Ньюпор» Шварца уже дрожал лихорадочной дрожью от бешено вращающегося старенького «Рона». Налегая всем телом, трое красноармейцев держали «Ньюпор», пока Шварц усаживался и застегивал пояс. Вот он дал напоследок полный газ и моторист, забежав вперед, вынул из-под колес большой чурбан.

Из-за борта показался обшарпанный рукав кожаной куртки и смуглая рука сделала знак: пускай!

Самолет подхватил и запрыгал по зеленой траве. Его косая тень чиркнула по палаткам и выкаченным из них еще двум самолетам, когда, сделав горку, он круто полез вверх.

А четыре черных точки, которые первым увидел моторист, превратились теперь уже в четыре больших самолета, однотонно гудевших почти над самой станцией.

III

НАСТРОЕНИЕ поручика Шварца, шедшего на последнем из четырех «Сопвичей», насколько не улучшилось.

Много дрянных мыслей успело пройти через голову за время долгого пути от аэродрома до Тихорецкой. Сегодня он не был, как всегда, уверен в своем самолете. И даже движения собственных рук не казались ему сегодня такими же безошибочными, как всегда.

Навстречу отряду внизу плыла зеленым островом станция, широко раскинувшаяся около черного узла спутанных железнодорожных путей. А на путях, заволакивая дымной вуалью станционные здания, ползали паровозы с подцепленными к ним нескончаемыми составами красных товарных вагонов. Когда станция стала уже совсем близкой, Шварц обернулся к сидев-

шему сзади Горлову и его лицо не понравилось. Всегда такой красно-упитанный Горлов, выглядел сегодня совсем больным. «Это все из-за его проклятой армянки», — мелькнуло в бритой голове, затянутой в плотный кожаный шлем, — «не будет пути».

Тем временем солнцу осталось пройти уже совсем немного для того, чтобы окончательно утонуть в волнуемом море безбрежной степи. Его косые лучи бросали длинные пятна от построек и деревьев и Шварц следил за тем, как бежавшие по земле тени от пяти самолетов то сливались с распластанными на земле темными пятнами, то снова выходили на освещенные места. Вдруг ему бросилось в глаза резкое движение головного самолета, вильнувшего в сторону.

Только здесь Шварц заметил, что из-под головного «Сопвича» вынырнул неизвестно откуда взявшийся крошка «Ньюпор», и в глазах его промелькнул блеск последнего выстрела. Глянув вниз, он увидел, что оттуда тяжело скребутся еще два желтых «Лебеда».

«Дураки, — подумал Шварц, — снять бы только «Ньюпор», а тогда этим нескладам крышка». Ему было хорошо видно, как наблюдатель переднего «Сопвича» свалил за борт свои пулеметы и ловит на мушку снова оказавшегося под ним «Ньюпора». Язычки выстрелов срывались с его пулеметов, сливаясь в сплошной красный блик.

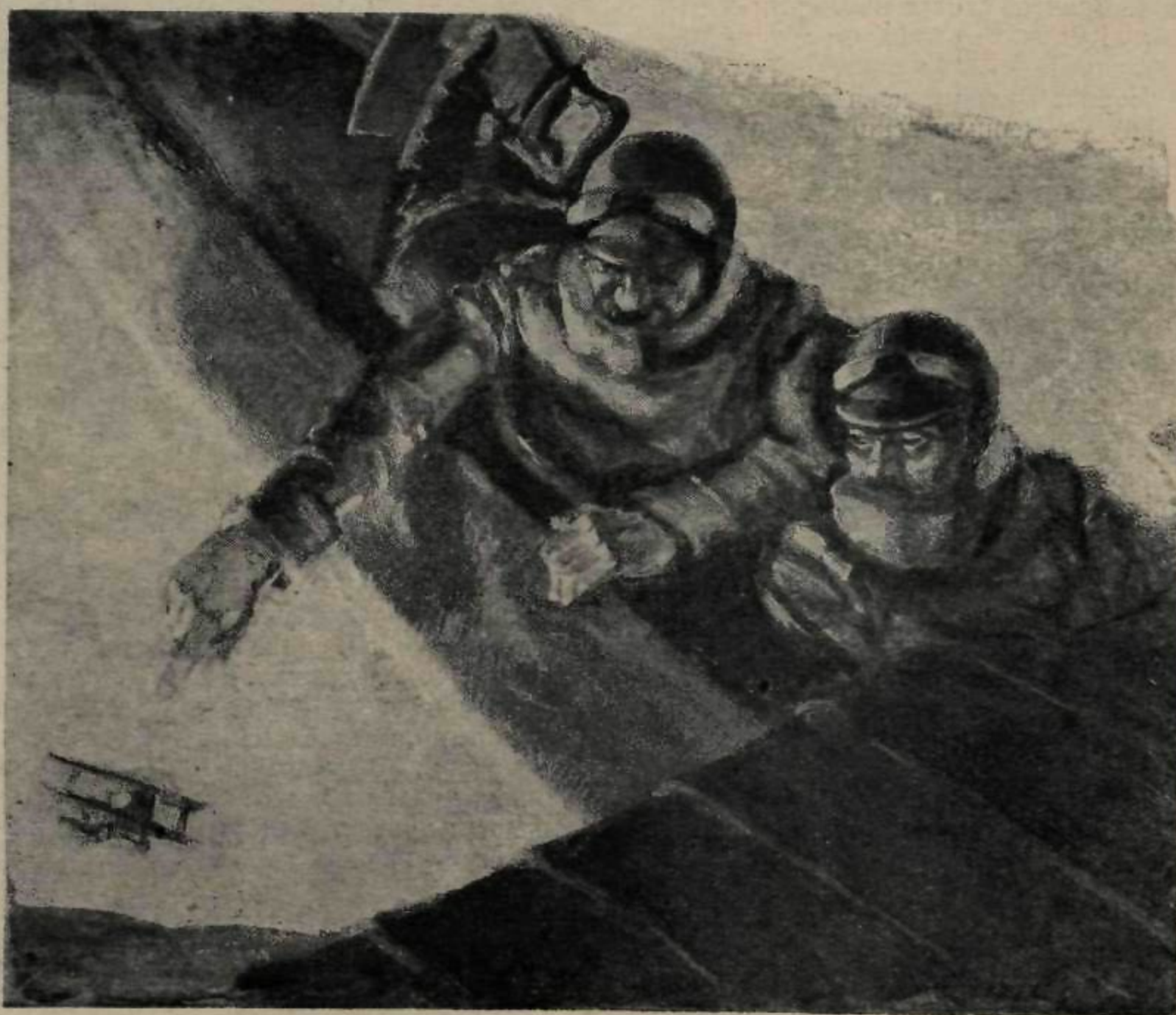
А на крошке «Ньюпор» другой Шварц, впинаясь лихорадочным взором в сгущающуюся муть сумерек, старался согнать с намеченного пути головного «Ньюпора», твердо распластавшего над ним свои широкие темные крылья с яркими трехцветными кокардами.

Вот и два «Лебеда» доскребли, наконец, до того, чтобы иметь возможность отвлечь на себя внимание пулеметчиков с «Сопвича» и развязать руки Шварцу на «Ньюпоре».

Непрестанно меняясь местами, вся группа неуклонно продвигалась к тому месту, где тугом узлом переплелись нити рельсов, на которых, как припаянные, замерли паровозы с длинными красными составами.

Внизу, на краю станицы, у больших палаток, раскинутых по краю широкого поля, сбившись в кучу, стояли люди и с замиранием сердца считали дорогие секунды, с которыми «Сопвичи» приближались к намеченной цели. Двадцать пар глаз внимательно следили за каждым движением самолетов, но ни один человек не смог потом рассказать, как произошло, что, свалившись на крыло, один из «Лебедей» круто перешел в штопор и тотчас же за ним, беспорядочно завывая носом, пошел к низу головной «Сопвич».

(Продолжение на 8 стр.)

...оглянувшись, он увидел руку Горлова указывающую вниз...

ШВАРЦ

(перенос со стр. 5-й).

И, точно разрезая два сошедшихся самолета, вынырнул из-под них маленький «Ньюпор». А те двое, медлительным штопором винта воздух, хотели ввинтиться в землю близко один от другого.

«Шантрапа», — озлобленно подумал поручик Шварц, видя, как под огнем вертлявого «Ньюпора» два передних «Сопвича» повалились в левый вираж и, перерезая железную дорогу, не доходя до узла, кое-как сбрасывают свои десятифунтовки. — К матери их, я до станции доберусь, только бы Николаш не сдрефил. Неужели так уходить, не солоно хлебавши, ведь эта же красная сволочь издеваться будет потом. Нет, шалишь, я вам в шляпу нагажу», — и не меняя курса, поручик Шварц пошел напрямик к темному пятну загроможденных станционных путей.

Поручик Шварц отлично заметил, что, отпущенные умелой рукой Горлова десятифунтовки, одна за другой перепоясали бусами желтеньких взрывов самый центр Тихорецкого узла.

В тот момент, когда он выводил самолет из виража, повернув домой, на его голову опустился увесистый удар. Оглянувшись, он увидел только руку Горлова, указывающую пальцем куда-то вниз, назад, откуда прямо в брюхо его «Сопвича» смотрел нос «Ньюпора», и поручик Шварц совершенно ясно смог рассмотреть на «Ньюпоре» порывевший шлем и облупленную кожаную куртку пилота. — «Поймал», — пронзило мозг поручика, и рука его сама надавила рукоятку, подавая ее от себя до отказа. Самолет круто нырнул вниз, а Шварц отвел в сторону глаза, чтобы не видеть той вспышки на носу «Ньюпора», которая должна была блеснуть ему в лицо.

«Ньюпор» же в это время, бесцельно ткнув то место, где только что был «Сопвич», болезненно дернулся и нырнул за ним вниз.

Палец красноармейца Шварца застыл на спусковом крючке пулемета — выстрелов нет. — «Виккерс заел или вышли патроны... нет, патроны должны еще быть, значит, задержка. Теперь эта сволочь уйдет, а нельзя его отпустить, ведь это он сбросил бомбы прямо на станцию», — вихрем неслось в голове в то время, как глаза снова сами искали противника. А «Сопвич» уже уходил в том направлении, где в предзакатной сырости скрывались еще две черных точки.

IV

ВЕСНУЩАТОЕ лицо военкома было так же поднято к небу, как и лица всех остальных и, глядящие сквозь толстые стекла очков, глаза также внимательно следили за движением двух силуэтов.

И никто из стоявших не мог понять, почему «Ньюпор» не стреляет, только комиссар, не отрывая глаз от неба, сказал:

— Ну, я же говорил: свой своему поневоле брат, а еще вчера он ко мне прих...

Но военком не договорил, так как прямо перед ним выросло бледное лицо моториста.

V

В БРИТОЙ голове, обтянутой кожаным шлемом, теплой отрадной струйкой сочилась мысль: — «у него, вероятно, задержка, одному не исправить, уйду... уйду», — закончила мысль, и прежняя твердость вернулась к руке поручика Шварца.

А немного впереди и под ним на комарином «Ньюпоре», сжавшись в злобный комок, летел красноармейец Шварц, и мысли огненными молотами стучали в виски — «ссадить, ссадить обязательно... но как?» Вдруг обидная мысль хлестнула по мозгу: — «А что, если снизу подумают, что я нарочно его выпускаю, ведь вчера же комиссар сказал мне: мы не можем вам доверять, так как вы офицер... дуррак». — И, упершись лихорадочно горящими глазами в самолет противника, красноармейец Шварц резко взял на себя рукоятку: — «только задену».

Снизу вверх, перед носом поручика Шварца мелькнуло темное тело, и, прежде, чем он успел сделать что-нибудь для того, чтобы избежать удара, «Ньюпор» всею тяжестью обрушился ему на голову. Потеряв управление в воющем вихре падения обломков двух сцепившихся аппаратов, поручик Шварц увидел лицо, показавшееся ему до боли знакомым, но сознание было заполнено другим неизбежным, что закрыло тотчас же лицо.

И только уже после падения, когда мысли превратились в сплошной огненный комок, перед поручиком Шварцем снова всплыло знакомое смуглое лицо: «А при чем же здесь братишка Александр? Ведь его же выгнали из корпуса за полит...» — и больше не осталось мыслей в кровавом мешке, набитом костями поручика Шварца.

Примечания

1. Источник текста рассказа Ник. Шпанова «Шварц»: журнал «Смена» 1926 г., № 1, стр. 4-5, 8.

2. Под названием «Летчик Шварц» рассказ был включён в авторский сборник «Загадка Арктики» (М—Л: ЗиФ, 1930 г., 176 стр., тир. 5 т. экз., рассказ напечатан на стр. 43-56). Для публикации в сборнике автор переработал текст рассказа.

В 50-е годы рассказ был включён в состав повести (или цикла рассказов, связанных общим героем — Фохтом) «Домик у пролива» в виде главы «Черные мухи». В редакции 50-х годов главного героя зовут не Шварц, а Фохт, также изменен конец — главный герой не погибает, чтобы появиться в следующих главах.

3. Для подготовки текста рассказа была использована электронная версия журнала «Смена» с сайта smena-online.ru/archive/1926. Библиографическая ссылка на публикацию рассказа в журнале «Смена» получена с сайта www.fantlab.ru.

4. Качество сканирования соответствует электронной версии журнала, добавлен OCR-слой без исправления ошибок.

Редактирование, подготовка, составление примечаний — Максим Безгодов
Санкт-Петербург, 6 июня 2012 г.